Культурно-историческая психология
2014. Т. 10. № 2. С. 5—8
ISSN: 1816-5435 (печатный)
ISSN: 2224-8935 (online)
© 2014 ГБОУ ВПО МГППУ

Cultural-Historical Psychology
2014. Vol. 10, no. 2, pp. 5—8
ISSN: 1816-5435 (print)
ISSN: 2224-8935 (online)
© 2014 Moscow State University of Psychology & Education

Свобода и независимость мысли Владимира Петровича Зинченко

В.Д. Шадриков*
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
shadrikov@hse.ru

В статье представлены воспоминания автора о его обсуждении с Владимиром Петровичем Зинченко проблем психологии мысли. Рассмотрены подходы к вопросу «что такое мысль» и как она связана со словом Г.Г. Шпета и Л.С. Выготского, которые были предметом дискуссии. Представлена позиция В.П. Зинченко по данной проблематике и позиция автора воспоминаний. На цитатах, взятых из работ В.П. Зинченко, показывается широта и глубина рассмотрения этих проблем Владимиром Петровичем, острота его полемического языка, свобода и независимость мышления.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский, слово, мысль, образ, структура, отношения, сущность, субстанция.

Владимира Петровича Зинченко я знаю достаточно давно. Свою кандидатскую диссертацию я писал по проблематике инженерной психологии (защитил в 1968 году). В это время инженерная психология и психология труда были на подъеме. Фактически в глазах инженерного сообщества они представляли собой психологию в целом. Владимир Петрович был одним из создателей этого нового направления психологической науки. В моих глазах он представлял старшее поколение в науке. С годами это различие в возрасте сгладилось. И когда мы встретились на факультете психологии НИУ ВШЭ, то уже вместе были представителями старшего поколения для преподавателей и студентов. Мы часто встречались и беседовали за чашкой чая, иногда и рюмкой коньяка. Разговор шел о современном состоянии психологической науки с попытками оценить изменения, которые мы наблюдали. Обменивались и суждениями о своих исследованиях и научных публикациях.

Я остановлюсь только на одном аспекте творчества Владимира Петровича — на его подходах к осмыслению фундаментальной психологической проблемы — «Что такое мысль?» Абсолютизация «когнитивной» и «информационной» метафор увели представителей когнитивной психологии от поиска ответа на данный вопрос. А он, на наш взгляд, является центральным для психологии. И здесь мы были единомышленниками.

Для Владимира Петровича обращение «к мысли» было стойким и длительным. Одна из первых статей по этой проблематике «Мысль и слово Г.Г. Шпета» [3] была опубликована в двухтысячном году. Далее был анализ подходов Л.С. Выготского к проблеме отношений мысли и слова (2003, 2006) [4, с. 127—128; 5], анализ процессов мышления (2010) [6] и, наконец, фундаментальная работа «Сознание и творческий акт», где еще раз осмыслены и обобщены исследования, касающиеся мысли, слова и творчества [7].

К сожалению, сегодня мало кто берется за эту фундаментальную проблему, и психология, несмотря на значительное число частных исследований в области мышления, сознания и творчества, слабо продвигается вперед.

Со свойственной Владимиру Петровичу свободой, независимостью и юмором, оценивая сложившуюся ситуацию, он писал: «Если мы спросим себя, что означает торжественное слово «мысль», то обнаружим слишком широкое употребление этого слова. Все, что «взбредет» в голову, называется мыслью ...

Мысль мысли, действительно, рознь. Есть «великая мысль Природы», есть божественная или боговдохновенная мысль, счастливая мысль, умная мысль. Есть:

Для цитаты:
Шадриков В.Д. Свобода и независимость мысли Владимира Петровича Зинченко // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2. С. 5—8.

* *Шадриков Владимир Дмитриевич*. Академик РАО, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. E-mail: shadrikov@hse.ru

Человеческая глупость / Безысходна, величина (А. Блок). Есть мысли сатанинские, темные, черные, задние. Есть мысли ясные, светлые, прозрачные, глубокие и есть вздорные, смутные, туманные, легковесные, мелкотравчатые, приходящие наобум. Есть мысли живые, уместные, своевременные и мертворожденные, запоздалые, как сожаления. Есть мысли вялые, анемичные, тупые и мысли острые, энергичные, проницательные. Есть мысли высокие, благородные, добрые и есть — низкие, корыстные, злые. Есть свободная мысль — мысль-поступление, поступок. Есть мысли блуждающие, несмелые и — мысли законнопорожденные, уверенные (хорошо бы — не самоуверенные). Есть мысли трагические, абсурдные. И есть мысли самоуправные, назойливые, они сильнее нас, от них очень трудно избавиться. Мы можем «помыслить» любую чушь, но оригинальная мысль по заказу не приходит» [7, с. 373].

Отмечая всю неоднозначность использования понятия «мысль», Владимир Петрович настаивал на том, чтобы мысль была помещена в разряд *объекта исследования, стала объектом интеллектуальной рефлексии*. Он рассматривает позиции Дьюи, Декарта, Биона, Мамардашвили, Эйнштейна, А. Белого, Выготского, Запорожца, Шпета, Ж. Адамара, Бахтина, О. Мандельштама, Канта и других и приходит к выводу, что «едва ли разные, порой полярные взгляды на то, что находится за мыслью, можно принять за фантазии, ошибки или иллюзии самонаблюдения. Скорее, наоборот, все перечисленные мыслители, ученые, поэты по-своему правы, и за мыслью стоят все силы души: не только интеллект, но и воля, и страсть» [7, с. 377].

Основное внимание в рассматриваемой проблеме Владимир Петрович уделял выяснению отношений между мыслью и словом. В качестве оппозиции у него выступали воззрения Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета. Если Л.С. Выготский считал, что основное и главное заключается в «раскрытии отношения между мыслью и словом как динамического процесса, как пути от мысли к слову, как совершения и воплощения мысли в слове» [2, с. 358], т. е. первичной является мысль, оформляющаяся в слово, то Г.Г. Шпет возражал против существования бесплотной мысли, считая бессловесную мысль — патологией. Слово является плотью мысли. «Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало — мысль зачинается в слове» [11, с. 397].

В анализе работ Шпета Владимир Петрович подчеркивает, что «слово действительно представляет собой единство (внешней) и значащей (внутренней) стороны речи» [7, с. 383] и обращает внимание на необходимость глубокого изучения структуры слова и, в первую очередь, внутренней значащей (смысловой) части. Такой анализ слова может стать путем к истокам мысли. Но этот путь не отвергает и Л.С. Выготский. «Процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах» [2, с. 356]. Как мы видим, здесь речь идет от мысли к слову. Сама же идея расчленения мысли нам представляется перспективной. И здесь мы были едины с Владимиром Петровичем. Но для того чтобы провести «расчленение» мысли, необходимо обратиться к вопросу о *структуре* мысли, процессам ее порождения и выражения в слове, чем и занимается автор статьи.

Эволюционно психика человека сформировалась для обеспечения его выживания во внешнем мире, для обеспечения его бытия.

Человек — часть природы. Свое существование он может обеспечить только за счет природы. И чтобы этого достичь, он должен располагать соответствующими знаниями об окружающем мире и обладать определенными навыками. Знания всегда функциональны, т. е. получает их ребенок в процессе решения жизненно важных задач. Эти знания служат удовлетворению потребностей и поэтому всегда сопровождаются переживаниями, в которых отражается личностный смысл познания. В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как «мир для меня» («вещь в себе» становится «вещью для меня»). Предметы внешнего мира связываются с переживаниями и наделяются личностными смыслами. Формирование субъективного образа объективного мира включается в процесс жизни человека, обеспечивает эту жизнь, является ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться). Нас в гораздо большей степени интересует не сам субъективный образ, а его включенность во внутренний мир человека.

Внешний мир представлен в формирующемся внутреннем мире на языке различных отображений и, прежде всего, в виде ощущений и восприятий. Вполне естественно утверждение, что разные чувства отражают различные стороны объективного мира; они с этой целью и сформировались в процессе эволюции человека — давать нам полную картину мира.

Тесно связана с восприятием репрезентация внешнего мира на языке потребностей человека, которая насыщена определенными личностными смыслами и переживаниями. Внешний мир может быть представлен субъекту на языке движений, действий и деятельностей, связанных с определенными целями и мотивами; отражается в знаниях и символах, имеющих различные смыслы, разнообразное эмоциональное содержание.

Наконец, внешний мир описывается на языке слов, наделенных определенным значением, которое для каждого человека наполняется его собственным, субъективным различным смыслом, ценностями и переживаниями. Одно и то же словесное описание интерпретируется различными лицами в зависимости от их жизненного опыта. Слово многозначно. Поэтому внешний мир, описанный словами, во внутреннем мире разных субъектов представлен нетождественно.

Из сказанного становятся ясными как сложность отражения внешнего мира во внутреннем мире человека, так и богатство субъективности. При этом многообразие языков представления внешнего мира не лишает внутренний мир целостности [8]. И это многообразие отражения внешнего мира во внутреннем находит отражение в структуре мысли.

В беседах с Владимиром Петровичем я излагал ему свое видение структуры мысли и отношений мысли и информации [9; 10]. Кратко это видение

сводится к следующему: мысль выражает единство образа и его признака. Это ключевой момент. Образ без признаков превращается в фантом. Мысль несет в себе связь образа и его признака.

С одной стороны, мысль несет собой объективное содержание. В каждой мысли схватывается только одна сторона предмета в одной из модальностей восприятия. С образом первоначально связаны мысли, относящиеся к внешней стороне предмета. В дальнейшем происходит *раскрытие содержания* этих мыслей — внешних признаков. Субъект стремится установить их *значение и личностный смысл*. Это раскрытие значения и смысла мыслей и образа и составляет сущность их *интеллектуализации*. Происходит это в процессе жизнедеятельности. Образ и его мысли-признаки включаются в процесс жизнедеятельности, в котором и устанавливается их семантика. Таким образом, мысль-признак нагружается конкретным значением — содержанием, мысль обогащается. Одна и та же мысль-признак, включенная в различные ситуации, в различные формы жизнедеятельности, будет наделяться все новым и новым содержанием.

С другой стороны, необходимо отметить, что мысль не только отражает качества вещи, которые преобразуются в субъективный образ. *Мысль рождает мыслящий человек*, и поэтому мысль всегда носит субъективный характер. Этот процесс субъективации мысли идет по трем направлениям:

— в мысли опредмечивается потребность мыслящего субъекта;

— мысль «оборачивается» в нравственные устои субъекта;

— происходит социокультурная субъективация мыслей.

В той мере в какой человек воспитан в определенной культуре, он будет в ее контексте воспринимать и внешний мир.

Проведенные нами исследования позволяют высказать суждение о *структуре мысли. Она включает три компонента: содержание, потребность и переживание*. Именно в единстве трех выделенных компонентов мысль предстоит как *живое* знание. В своей связи с потребностями и переживаниями мысль и отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

По моим представлениям, именно в этой структуре мысли, а следовательно, и образа, и заключаются ее уникальные свойства, проявляющиеся в том, что человек мыслит мыслями. Мысль представляет собой *потребностно-эмоционально-содержательную* субстанцию. И таковой она входит в содержание внутреннего мира человека. В таком виде она и сохраняется в памяти человека: связанной с предметами внешнего мира и их свойствами, потребностями человека и его переживаниями.

Исходя из изложенного понимания мыслей содержанием образов, возникающих в результате восприятия предметов внешнего мира, являются мысли-свойства этих предметов. *На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей* о свойствах этого предмета, объединенных в единое целое (предметность и целостность), характеризующаяся определенным постоянством, обобщенностью (связью с целостным предметом), осмысленностью и т. д. Как рассматривать осмысленность образа вне мыслей, его составляющих, — вообще становится проблемой. И если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то и образ будет выступать как субстанция мыслей — *образ-субстанция*.

А это означает, что в соответствии со свойствами субстанции образ-субстанция будет пониматься как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее *проявления*, как сущее, причина которого в нем самом, т. е. образ, будучи сформирован как субстанция мыслей, будет существовать во времени и проявлять свою сущность в отношениях субъекта с внешним миром и с самим собой.

Сформировавшись, образ-субстанция будет определять отношения во внутреннем мире человека, обусловливая его мышление. Из обозначенного подхода мы можем сделать вывод, что образ-субстанция может относиться не только к предметам, но и событиям и явлениям. Из всей совокупности образов-субстанций будет складываться содержание внутреннего мира человека как образ внешнего мира и самого себя, насыщенный различными событиями. Именно такой образ и составляет содержание ума.

Для выяснения отношений информации и мысли сошлемся на позицию Н. Винера, который определил информацию как термин для обозначения содержания, получаемого нами из всякого мира в процессе приспособления к нему нас и наших чувств[1]. Таким образом, мы видим, что информация является частью мысли, которая включает в себя мотивационную и эмоциональную составляющие. И изучение информационных моделей не позволяет раскрыть сущность мышления человека.

Читатель осознает всю сложность проблем, которые были предметом наших рассуждений. Ясна и позиция автора.

В понимании уникальности человеческой мысли и несводимости ее к информации мы были едины с Владимиром Петровичем, хотя придерживались разных подходов в вопросах отношения мысли и слова. Владимир Петрович больше придерживался позиций Г.Г. Шпета, я — Л.С. Выготского.

Я остановился только на одном аспекте наших дискуссий. В целом же могу отметить, что общение с Владимиром Петровичем всегда было обогащающим. Собеседник узнавал много нового. Владимир Петрович обладал поистине энциклопедическими знаниями в психологии, поэзии, философии. В обсуждении проблем он проявлял огромный такт и уважение к собеседнику, но при этом убедительно излагал свою позицию. Представляется, что мы еще мало знаем Владимира Петровича Зинченко и, возможно, воспоминания его друзей и соратников и, главное, глубокое изучение научного наследия позволят в полной мере воспринять его Образ.

[1] *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983.

Литература

1. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 344 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 340 с.
3. *Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: УРАО, 2000. 208 с.
4. *Зинченко В.П.* Мысль и слово: подходы Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета // Точки-Puncta. 2003. № 3—4. С. 127—169.
5. *Зинченко В.П.* Мысль и слово: подходы Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современные проблемы гуманитарного знания. М.: Языки русской культуры, 2006. С. 82—134.
6. *Зинченко В.П.* Опыт думания о думании. К восьмидесятилетию В.В. Давыдова (1930—1998) // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 75—91.
7. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
8. *Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006. 392 с.
9. *Шадриков В.Д.* Мысль как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 130—137.
10. *Шадриков В.Д.* Мысль, образ и психическая функция // Мир психологии. 2013. № 3 (75). С. 139—149.
11. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.

Vladimir Zinchenko: A Man of Free and Independent Thought

V.D. Shadrikov*
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
shadrikov@hse.ru

The author recollects his discussions with Vladimir Petrovich Zinchenko on the issues of the psychology of thought. He focuses on different approaches as to what thought really is and how it is connected with the word of G.G. Shpet and L.S. Vygotsky who were the primary subjects of that very discussion. The paper presents both the point of view of Vladimir Zinchenko and that of the author's. Quotations from the works by Vladimir Zinchenko provided in the paper highlight the great intellectual power of his insights into the discussed problems, the wit of his polemic speech, and the freedom and independence of his thought.

Keywords: V.P. Zinchenko, G.G. Shpet, L.S. Vygotsky, word, thought, image, structure, relations, essence, substance.

References

1. *Viner N.* Kibernetika, ili upravlenie i svyaz v zhivotnom i mashine [Cybernetics of Control and Communication in the Animal and the Machine]. 2-e izd. Moscow: Nauka, 1983. 344 p.
2. *Vygotskiy L.S.* Mishlenie i rech [Thinking and Speaking]. Sobr. soch.: V 6 t. T. 2. Moscow: Pedagogika, 1983. 340 p.
3. *Zinchenko V.P.* Mysl' i slovo Gustava Shpeta (vozvrashenie iz izgnaniya). [Thought and word Gustav Shpet (return from exile)]. Moscow: URAO, 2000. 208 p.
4. *Zinchenko V.P.* Mysl' i slovo: podhody L.S. Vygotskogo i G.G. Shpeta [Thought and word: LS approaches Vygotsky and GG Shpet]. Tochki-Punkta [TOCHKI-PUNCTA], 2003. no 3—4, pp. 127—169.
5. *Zinchenko V.P.* Mysl' i slovo: podhody L.S. Vygotskogo i G.G. Shpeta (prodolzhenie razgovora) [Thought and word: LS approaches Vygotsky and G.G. Shpet (continued conversation)]. Gustav Shpet i sovremennie problemi gumanitarnogo znaniya [Gustav Shpet and modern problems of the humanities.]. Moscow: Yaziki russkoi kul'tury, 2006, pp. 82—134.
6. *Zinchenko V.P.* Opyt dumaniya o dumanii. K vos'midesyatiletiyu V.V. Davydova (1930—1998) [Experience of thinking about thinking. Eightieth VV Davydov (1930—1998)]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 2010, no 11, pp. 75—91.
7. *Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskyj akt [Consciousness and the creative act] Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 592 p.
8. *Shadrikov V.D.* Mir vnutrennej zhizni cheloveka [World of man's inner life]. Moscow: Logos, 2006. 392 p.
9. *Shadrikov V.D.* Mysl' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya [Thought as a subject of psychological research]. Psihologicheskij zhurnal. [Psychological journal], 2014, no 1, pp. 130—137.
10. *Shadrikov V.D.* Mysl', obraz i psikhicheskaja funkciya [Thought, image and mental function]. Mir psihologii [World of Psychology], 2013, no 3 (75), pp. 139—149.
11. *Shpet G.G.* Sochinenija [Works]. Moscow: Pravda, 1989. 608 p.

For citation:
Shadrikov V.D. Vladimir Zinchenko: A Man of Free and Independent Thought. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014. Vol. 10, no. 2, pp. 5—8. (In Russ., Abstr. in Engl.).

* *Vladimir D. Shadrikov*. PhD in Psychology, member of the Russian Academy of Education, professor, Department of General and Experimental Psychology, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia. E-mail address: shadrikov@hse.ru